трагедии — различные ипостаси центрального героя. Применительно к теме любви это, несомненно, так. Переживания героя трагедии и других персонажей выражают чувства двадцатилетнего Маяковского, терпящего в жизни первое крушение любви. Поскольку этому чувству поэт придавал огромное значение, невыносимо трудным оказывался вопрос: «Значит, ничто любовь?». Именно с этим комплексом связан впервые возникающий в творчестве Маяковского мотив самоубийства, прозвучавший в Прологе трагедии: «и тихим,/целующим шпал колени,//обнимет мне шею колесо паровоза» [4, т. 1, с. 154].

Уже в первом романе с Шамардиной обнаруживаются некоторые особенности натуры Маяковского, которые будут вновь заявлять о себе и позже: стремление быстрее выяснить отношения и поглощенность собственным чувством, всезахватывающая сила страсти и неуверенность, проявляющаяся по-разному (например, в нервной настораживающей настойчивости...).

Прервем на время разговор о Шамардиной и будем придерживаться хронологической последовательности. Во время первого турне футуристов (декабрь 1913 — март 1914 гг.) Маяковский, Бурлюк и Каменский выступали и в Одессе. Здесь Маяковский «влюбился в красавицу Марию Александровну и по этому неожиданному случаю „сходил с ума“. Он рвал и метал и вообще не знал, как быть, что предпринять, куда деться с этой нахлынувшей любовью». Все четыре дня, проведенные в Одессе (с 16 по 19 января), Маяковский, по свидетельству Каменского, был целиком захвачен чувством к М. А. Денисовой (1894—1944). «Взволнованный, взметенный вихрем любовных переживаний, после первых свиданий с Марией он влетел к нам в гостиницу этаким праздничным весенним... ветром и восторженно повторял: „Вот это девушка, вот это девушка!“.— Или вдруг, обвеянный мрачными предчувствиями возможной неудачи, он нервно, задумчиво шагал по комнате... и вопрошающе твердил: „Что делать? Как быть?“... Первая праздничность встреч сменилась острой болью тревоги... И мы это видели... Развязка пришла... Ошеломленный Маяковский в этот же вечер решительно заявил: „Едем“ ...» [13, с. 113—115].

Происшедшему можно найти внешнее объяснение, о котором, кстати, пишет и Каменский: друзья уговаривали Маяковского продолжить турне, торопили его. Но нельзя не отметить и другого: психологический рисунок поведения Маяковского во многом напоминает его отношения с Шамардиной. С нею он встретился снова в Москве летом 1914 г.

«Встретились мы бурно-радостно и все ощупывали друг друга — лицо, руки, плечи. Я пришла на Большую Пресню, где жили Маяковские. Он в двадцать лет был болен корью... Познакомил с матерью и сестрами. Помню, что особенно Ольга радовалась и одобрительно относилась к моим посещениям... Я для безопасности водила свою двоюродную сестру. Сначала Маяковский сердился, а потом ничего... К прежней близости не возвращались никогда. Последняя попытка с большим объяснением у калитки в Новинском переулке привела к закреплению конца нашей любви. Любви ли?

„Ты должна вернуться ко мне“// — „Я ничего не должна“.//„Чего ты хочешь?“// — „Ничего“//„Хочешь, чтобы мы поженились?“// — „Нет“//„Ребенка хочешь?“// — „Не от тебя“//„Я пойду к твоей маме и все расскажу“// — „Не пойдешь“.— Это краткий конспект большого разговора летом 1914 г.» [12, с. 16][8].

Итак, в 1913—1914 гг. «любовная лодка» Маяковского получила тяжелые пробоины в Петербурге, Одессе, Москве. Одни переживания, наложившись на другие, высекли из сердца Маяковского потрясающую по силе и искренности чувств поэму «Облако в штанах». Долгие годы она оценивалась у нас преимущественно как произведение, отмеченное революционным пафосом. Между тем «вторая трагедия» пронизана прежде всего любовной страстью. Л. Ю. Брик первой отметила, что прототипами «Облака» являются две героини. «Когда я

[8] Выражаю благодарность М. А. Немировой, предоставившей мне возможность ознакомиться с неопубликованной частью воспоминаний С. Шамардиной.